

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ ЭВФЕМИЗМОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

¹Дегтярёва А.Р.

¹ФГБУ ВПО «Кемеровский Государственный университет», Кемерово, Россия (650043, Кемерово, ул. Красная, б), e-mail: degtyarjova@yandex.ru

В ходе исследования построена классификационная модель эвфемизмов. Системной осью в этой классификации является модель коммуникативного акта, предписывающая каждому из типов эвфемизмов место в реализации стратегий и тактик участников коммуникации. Принцип функциональной классификации заключается в том, что эвфемизмы подразделяются на группы, соответствующие различным коммуникативным установкам и коммуникативным реакциям говорящего и слушающего. В ходе детального исследования типов эвфемизмов с позиции слушающего был проведен иллокутивный эксперимент с целью определения интерпретационного потенциала изучаемых типов эвфемизмов. Задача эксперимента – определить степень дешифровки эвфемизмов носителями языка. Результаты эксперимента свидетельствуют о выполнении эвфемизмами своей основной тактико-стратегической задачи – минимизации этических и правовых рисков. Неосознанная интерпретация эвфемизмов не составляет труда для носителей языка. Прагматический потенциал описываемого явления сохраняется в полной мере, а конфликтогенная составляющая снижается.

Ключевые слова: эвфемизм, легевфемизм, риски, публичная коммуникация.

EXPERIMENTAL VERIFICATION OF PERLOKUTIVNY FORCE OF FUNCTIONAL TYPES OF EUPHEMISMS MODERN RUSSIAN

¹Degtyarjova A.R.

¹"Kemerovo State University", Kemerovo, e-mail: degtyarjova@yandex.ru

The study is based classification model euphemisms system axis in this classification is the model of communicative act, requires each of the types of euphemisms in place strategies and tactics of communication participants. The functional classification is that euphemisms are divided into groups corresponding to the different communicative settings and communicative reactions speaker and the listener. In the course of a detailed study of euphemisms types from the perspective of the listener was held illocutionary c experiment to determine the interpretive potential of the studied types of euphemisms. The task of the experiment - to determine the degree of deciphering euphemisms native speakers. The experimental results indicate the performance of euphemisms its main tactical and strategic objectives - to minimize the ethical and legal risks. Unconscious interpretation of euphemisms is not difficult for native speakers. Pragmatic potential of the described phenomenon is maintained in full, and conflict-prone component is reduced.

Keywords: Euphemism, legeuphemism, risk, public communication.

Устойчивые словосочетания — фразеологизмы — присущи всем языкам мира. Представляя собой прецедентные тексты, они являются своего рода стереотипами, проявляющими в ментальном пространстве человека культурные концепты нации [1]. Эвфемизмы отличаются от фразеологизмов тем, что они «имеют целью не образное представление действительности, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни или нескромных мыслей, намерений» [11]. По мнению многих исследователей, эвфемизмы проявляются в иллокуции. Цель эвфемизма и основное назначение иллокутивного акта рождаются, их задачей является достижение определенной цели в процессе коммуникации. Иллокуция представляет собой часть речевого акта, прагматический компонент смысла

высказывания, отражающий коммуникативную установку говорящего. Особенно значимо определение установки говорящего при написании судебно-лингвистических экспертиз. Ср.: [2,3,4,5,6,7,8].

И. П. Москвин в работе «Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка» говорит о том, что «эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно “упаковать” предмет сообщения, оставив все-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чем идет речь» [13]. Такая тактико-стратегическая направленность сообщений позволяет заключить, что к изучению эвфемизмов целесообразно подойти с позиции говорящего и слушающего.

В контексте предпринятого нами исследования разработана функциональная классификация эвфемизмов, которая позволяет дополнить и обобщить имеющийся в этой области опыт отечественных и зарубежных исследователей. Выделенные учеными типы эвфемизмов в наиболее общем виде описаны в ряде работ исследователей, занимающихся данной проблемой: уровневая и лексико-семантическая классификация [11,12,13]; мотивационная классификация эвфемизмов [9,10,12,15]; по степени сложности зашифровки [13]; морфологическая классификация [12]. Имеющиеся классификации не покидают границ микроструктуры языка, соответственно, на наш взгляд, не могут описать эвфемизмы во всей функциональной полноте.

Классификационная модель эвфемизмов

Функциональная классификация эвфемизмов с позиции говорящего

Г1. По степени интенциональной нагруженности:

Г1.1.Интенционально ненагруженные (автоматические, не осознаваемые как эвфемизмы) (*Хз, блин, тупец*);

Г1.2.Интенционально нагруженные, среди них по типу интенции:

Г1.2.1. С целью ухода от правовых рисков (**легевфемизмы**):

Г1.2.1а. Синтетические легевфемизмы (*открытый рейдерский захват чужой интеллектуальной собственности вместо воровство авторской телепередачи*);

Г1.2.1б. Аналитические легевфемизмы (*ни для кого не секрет, что не только крайние националисты, но и большинство обычных россиян не испытывают симпатий к уроженцам этого южного региона*);

Г1.2.2. С целью ухода от этических рисков (*представители сексуальных меньшинств вместо геи, лесбиянки*).

Г2. По способу корреляции между языковым знаком и денотатом:

Г2.1.Явные (*изверг из желудка весь обед вместо стошнило*);

Г2.2.Затемненные (*массированная психологическая обработка* вместо *предварительный сговор*);

Г2.3.Перверсные (*«скромное обаяние» расизма* вместо *не скромное обаяние, ужасное деяние, «ласковые милицейские руки»* вместо *грубые милицейские руки*).

Функциональная классификация эвфемизмов с позиции слушающего

С1. По степени вычленимости в потоке речи, т. е. степени потенциальной идентификации как эвфемизма:

С1.1. Невычленимые (*Ой, блин, как больно!*);

С1.2. Вычленимые (*некие "не мальчики-одуванчики" вывезли его (Эдуарда Багирова) в Россию* вместо *организаторы побега, сообщники, финансово неблагополучный* вместо *бедный*).

С2. По способу корреляции между языковым знаком и денотатом:

С2.1. Непрозрачные (*сотрудники нагрели учреждение* вместо *обманули*);

С2.2. Прозрачные (*травка* вместо *наркотическое средство*).

С3. По типу герменевтической опоры:

С3.1. Прецедентные (*все уходит, как в канкин мох* вместо *все остается без ответа*);

С3.2. Непрецедентные (*нет ничего удивительного, что совместные проекты «трещат по швам»*).

В ходе исследования типов эвфемизмов с позиции говорящего и слушающего нами был проведен психолингвистический эксперимент, цель которого – определить интерпретационный потенциал изучаемых типов эвфемизмов, а именно подтвердить гипотезу дешифровки / недешифровки анализируемого явления носителями языка. Задача эксперимента – определить степень дешифровки эвфемизмов носителями языка. Задание испытуемых состояло в определении цели подчеркнутого оборота, использованного журналистом в анализируемых нами ранее изданиях. Экспериментально-верификационное исследование поможет проследить степень узнаваемости, дешифровки эвфемизма носителями языка.

Эксперимент проводился в течение 2012–2013 гг. путем письменного анкетирования респондентов в учебных аудиториях КемГУ и на курсах повышения квалификации преподавателей высшей школы. На работу с анкетой испытуемым отводилось 15 мин. Респондентам предлагался один из восьми вариантов анкет, включающий типы эвфемизмов согласно разработанной нами классификационной модели. В эксперименте приняли участие 1673 респондента, студенты Кемеровского государственного университета: экономического, физического, филологического, юридического, биологического, математического факультетов, студенты факультета романо-германской филологии очного и заочного

отделений разного пола (1215 женщин, 458 мужчин); возраст респондентов — от 17 до 63 лет. В ходе экспериментального исследования получено 6692 реакции.

Предложенные для анализа варианты эвфемизмов соответствуют типам, представленным в функциональной классификационной модели. Исследуемые функциональные типы были сгруппированы в свободном порядке, охватывающем эвфемизмы с целью ухода от правовых рисков (легевфемизмы) и типы с позиции говорящего/слушающего. Под легевфемизмом вслед за М. А. Осадчим мы понимаем эвфемизм с целью ухода от правового риска. По мнению ученого, «легевфемизм представляет собой номинацию любого объема и семиотического статуса: слово, словосочетание, предложение, а явление легевфемии может реализоваться на лексическом, стилистическом и композиционном уровне» [14].

Таблица 1

Сводная таблица экспериментальных данных

Вариант Анкеты	Номер примера	Тип эвфемизма	Не декодировано (кол-во реакций из 6692)		Декодировано (кол-во реакций из 6692)	
			Прямое значение	Нет варианта	Распознавание имплицитного смысла	Раскрытие цели
I	1	Синтетический легевфемизм	4	24	144	36
	3	Аналитический легевфемизм	2	12	62	132
	3	Перверсный	0	3	60	145
	4	Прецедентный	1	9	137	61
II	1	Синтетический легевфемизм	7	64	92	46
	2	Аналитический легевфемизм	0	7	146	56
	3	Перверсный	5	18	52	134
	4	Прецедентный	0	15	57	137
III	1	Синтетический легевфемизм	6	10	111	82
	2	Аналитический легевфемизм	3	25	139	42
	3	Явный	36	11	118	44
	4	Непрецедентный	1	10	141	57
IV	1	Синтетический	8	9	148	46

		легевфемизм				
	2	Аналитический легевфемизм	0	11	164	36
	3	Явный	3	3	166	39
	4	Непрецедентный	4	41	117	49
V	1	Синтетический легевфемизм	1	9	125	76
	2	Аналитический легевфемизм	1	7	155	48
	3	Затемненный	11	15	76	109
	4	Непрозрачный	2	16	161	32
VI	1	Синтетический легевфемизм	1	6	132	68
	2	Аналитический легевфемизм	1	16	162	28
	3	Затемненный	5	33	129	40
	4	Непрозрачный	0	14	176	17
VII	1	Синтетический легевфемизм	0	5	137	66
	2	Аналитический легевфемизм	0	12	95	101
	3	Вычленимый	2	20	158	28
	4	Прозрачный	1	6	165	36
VIII	1	Синтетический легевфемизм	2	17	152	39
	2	Аналитический легевфемизм	2	10	172	26
	3	Вычленимый	1	11	77	121
	4	Прозрачный	24	27	122	37
Всего от общего количества полученных реакций (6692):			134	496	4048	2014
% от общего количества полученных реакций (6692):			2%	7,4 %	60,5%	30, 1%

Количество декодированных типов, как следует из таблицы, превалирует над не декодированными в пропорции 90,6% / 9,4%. Данный факт свидетельствует о том, что интерпретационный потенциал эвфемизмов высок: представленные к анализу типы распознаются носителями языка, без каких-либо затруднений дешифруются.

Распределение реакций демонстрирует, что 90,6% респондентов декодировали эвфемизм, распознали наличие скрытого смысла (6062 реакции из 6692). Полученные экспериментальные данные подтверждают гипотезу о том, что эвфемизм — это замена эксплицитной номинации имплицитной с целью минимизировать разного рода риски: этические, религиозные, правовые, политические, на которые указывали при ответах респонденты. Испытуемые не просто отмечали факт замены одной номинации другой, но и указывали предполагаемую причину, по которой журналист или участник высказывания прибегнули к процессу эвфемизации. Например, рефлексировав над высказыванием из анкеты 1: *«Песков отреагировал на заявление Маккейна о том, что смерть ливийского лидера Муаммара Каддафи – повод “начать нервничать” для диктаторов»*, респонденты указывают на замену одного высказывания другим, в составе которого находится скрытый денотат — *«Непрямым текстом сказано, что диктаторам следует опасаться той же участи, а также их свержение недалеко»*; на цель эвфемистической замены с наличием причинно-следственных связей, предупреждая о возможной предстоящей гибели: *«С целью, чтобы диктаторы задумались, что дело их худо, чтоб их похоже не убили»*, *«Захотят убить за тоталитарную власть»*; на смягчение или намек: *«Журналист при помощи данного оборота предупреждает диктаторов о сложившейся ситуации»*; на распознавание имплицитного смысла путем синонимической замены эвфемистического высказывания прямым значением — *«Каддафи не умер своей смертью, а его убили»*.

При попытке определить, с какой целью журналист использовал подчеркнутый оборот (эвфемизм), испытуемые условно поделились на две группы. Первая группа респондентов распознает имплицитный смысл, производит синонимическую замену эвфемистического высказывания прямым значением или другим эвфемизмом (60,5 %); вторая группа опрошенных в большинстве случаев вскрывает причины — почему журналист прибегает к такому типу высказывания (30,1 %).

9,4% респондентов не декодировали предложенные эвфемистические высказывания путем отказа от ответа или написанием предложенной для анализа фразы в ее прямом значении. Буквальное прочтение эвфемизма связано с рядом причин, как то: отказ от реакции в силу воздействия внешних факторов; непонимание или не в полной мере осмысление эвфемистического оборота; отсутствие восприятия высказывания как эвфемизма, соответственно — восприятие его в прямом значении.

Все типы эвфемизмов, представленные в разработанной классификационной модели, легко воспринимаются и интерпретируются носителями языка. Подтверждение тому служит небольшая процентная разница интерпретационных результатов (таблица 2).

Таблица 2

Тип эвфемизма	Не декодировали (% респондентов)	Декодировали (% респондентов)
Синтетический легевфемизм	10, 4 %	89, 6%
Аналитический легевфемизм	6, 6%	93, 4%
Явный	12, 8%	87, 2%
Затемненный	15, 3%	84, 7%
Перверсный	6%	94%
Вычленимый	8, 4%	91, 6%
Непрозрачный	7, 7%	92, 3%
Прозрачный	13, 9%	86, 1%
Непрецедентный	13, 3%	86, 7%
Прецедентный	6%	94%

«Синтетический легевфемизм», представленный следующим высказыванием «А я думаю: чего это на последнем ежегодном совещании председателей арбитражных судов докладчики один за другим сетуют на “правовой нигилизм”» не декодировали 10,4% респондентов. Помехой к распознаванию анализируемого примера послужил фактор обучения на том или ином факультете. 90% респондентов, не давших реакцию на данный тип эвфемизма, являлись студентами экономического факультета, им было не известно лексическое значение слова «нигилизм», что послужило причиной отказа от реакции. Вторая часть респондентов (89,6%) не просто делала попытку разгадать смысл высказывания, но также пыталась размышлять, догадываться о скрытом смысле: «взяточничество, уход от законов», «клевета», «подчеркивает, что суд выносит приговоры не профессионально». Очевидно, что респонденты осознают завуалированный смысл легевфемизма, в котором рискованная часть полностью заменена на риторически обработанную формулировку (метафору, намек) — «правовой нигилизм».

«Аналитический легевфемизм» (6,6% — не декодировали, 93,75 — декодировали), реализуемый примером, «Ни для кого уже, кажется, не секрет, что правоохранные органы применяют пытки для добычи показаний, что почти любое уголовное дело не составит труда закрыть при помощи взятки и что в российской тюрьме можно пропасть без вести», обнажает скрытый смысл высказывания, а при помощи смыслового

минимизатора риска *«ни для кого уже, кажется, не секрет»* журналист ограждает себя от наказания, ссылаясь на то, что это не его личное мнение, а общеизвестный факт относительно рукоприкладства правоохранительных органов.

94% респондентов распознали скрытый смысл перверсного и прецедентного типов эвфемизмов. Перверсный тип эвфемизмов реализован в высказывании *«Мудрые опера и опытнейшие следователи, получается, не смогли установить личность преступника, имея его портреты во всех ракурсах. Под лупу клали, Интерпол запрашивали, но нет, ничего у них не получилось»*. Данный тип эвфемистической замены направлен на сокрытие истинного смысла эвфемизма путем замены прямого лексического значения прямо противоположным. В основе такого типа эвфемизма содержится антонимичный потенциал высказывания, который в правовом и этическом плане ненаказуем. Ряд респондентов наряду с антонимией в основе перверсного эвфемизма выделяют следующие виды тропов: *«гиперболизация в целях высмеивания»*, *«ирония, насмешка над следователями»*, *«сатира»*.

Таким образом, можно сделать вывод, что эвфемизмы выполняют свою основную тактико-стратегическую задачу – минимизируют этические и правовые риски. Неосознанная интерпретация эвфемизмов не составляет труда для носителей языка, стимул-эвфемизм имел ряд сходных лексико-семантических значений, что доказывают полученные экспериментальные данные. Прагматический потенциал эвфемизма сохраняется в полной мере, а конфликтотенная составляющая снижается, оставляя возможность журналисту не быть привлеченным к ответственности.

Список литературы

1. Араева Л.А. Живой росток бесконечной определенности//Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Сборник научных трудов по итогам 3-й Международной научной конференции (Белгород, 19–21 марта 2013 г.) / Отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 138–144.
2. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. 2006а. № 4.
3. Араева Л.А., Осадчий М.А. Проблемы судебно-лингвистической экспертизы в рамках дел по защите чести и достоинства, о клевете и оскорблении // Российский юридический журнал. 2006б. № 2. С. 86–94.
4. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза в расследовании преступлений против чести и достоинства // Уголовный процесс. 2006в. № 2. С. 54.

5. Араева Л. А., Осадчий М. А. Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 УК РФ // Юрислингвистика. 2007а. №8. С. 313–318.
6. Араева Л. А., Осадчий М. А. Проблемы судебно-лингвистической экспертизы в рамках дел о защите чести и достоинстве, клевете и оскорблении // Российская юстиция. 2007б. № 2. С. 57–60.
7. Араева Л. А., Катышев П. А. «Для депутатов губернатор Тулеев ничуть не лучше губернатора Кислюка. Попросить у Президента еще одного?» // Юрислингвистика VI. Инвективное и манипулятивное функционирование языка. — Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. — С. 287–290.
8. Араева Л.А., Осадчий М. Пропозиционально-фреймовая организация фразеологизмов (модель вербальной пропаганды)// Słowo. Tekst. Czas XI Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i czfrazеоgraficznym. – Szczecin, 2012. С. 55–58.
9. Булаховский Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. – М., 1953. – Ч. 2.
10. Варбот, Ж. Ж. Табу / Ж. Ж. Варбот // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ф. П. Филина. — М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
11. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л., 1988. – 80 с.
12. Ларин Б.А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. Проблемы языкознания: Сб. статей, посвящ. 75-летию акад. И. И.Мещанинова. – Л.: ЛГУ , 1961 (Учен. зап. Ленингр. ун-та, № 301 : Сер. филол. наук : Вып. 60) С. 110–124.
13. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка // В. П. Москвин. М.: Ленанд, 2007. – 264 с.
14. Осадчий М.А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: URSS, 2013. 182 с.
15. Реформатский А. А. Введение в языковедение. / А. А. Реформатский. – М., 1996.

Рецензенты:

Катышев П.А., д.ф.н., профессор, ФГБУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово;

Ким Л.Г., д.ф.н., профессор, ФГБУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово.